

Знак, установленный
в память о матери Н.М. Карамзина
в селе Засарье

Историк в семейном интерьере

Н.М. Карамзин и род Пазухиных

Предстоящий юбилей Николая Михайловича Карамзина вызвал заметный всплеск интереса к биографии этого выдающегося историка, журналиста и литератора. В частности, весьма важным представляется выявление факторов, сформировавших его уникальное дарование. Нет сомнений в том, что огромное влияние на историографа оказала его семья.

Известен афоризм Карамзина: «Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы». Это высказывание в значительной степени основано на личном опыте Николая Михайловича. И сам Михаил Егорович Карамзин, и его друзья – дворяне Симбирской губернии – отличались прямоотой и совестью, поэтому их образ мыслей и поведение наложили заметный отпечаток на впечатлительного ребёнка.

При этом оказывается в тени мать историка, Екатерина Петровна, урождённая Пазухина. Попробуем восполнить этот пробел, изобразив матушку прославленного симбирянина на фоне истории её рода.

Братья-путешественники

Что же мы знаем о Пазухиных? Родоначальником этого семейства считается Фёдор Пазух, который во второй половине XV века выехал на службу к московскому князю Ивану III из Литвы. Появление одной из ветвей этого рода в Среднем Поволжье относится ко второй половине XVII века. В период царствования Алексея Михайловича Тишайшего представители семейства Пазухиных – двоюродные братья Борис Андреевич и Семён Иванович (прадед Н.М. Карамзина) – совершили путешествие в Бухару, Балх и Ургенч.

Путешественники находились в тот момент на дипломатической службе и действовали в соответствии с волей царского правительства. Цели посольства, как явствует из текста «Наказа», полученного дипломатами в Приказе Казанского дворца, были весьма разнообразны. Во-первых, руководители посольства должны были выкупить из плена своих соотечественников. Во-вторых, им нужно было собрать сведения «о путях в Индию» и о мощах священномученика Симеона (епископ Персидский, живший в IV веке и пострадавший во время гонений, обрушившихся на христиан). Наконец, дипломатам следовало привлечь бухарцев к торговле шёлком с Москвой и Астраханью. В «Наказе» говорилось о необходимости ехать в Бухару «с великим береженьем». Находясь в пути, двоюродные братья должны были «разведывать про воинских и про воровских людей накрепко, чтоб над государскою казною и над ними в дороге какова дурна не учинилось...».

Одним из важных результатов путешествия стало географическое описание тех земель, по которым пролегал

путь братьев Пазухиных. Мы можем получить сведения о природе, а также о государственном строе и путях сообщения тех районов, по которым пролегал путь дипломатов. Информация эта представляется весьма ценной, потому что Средняя Азия и сопредельные регионы оставались для русских к тому времени во многом terra incognita.

На средневолжских землях

Возвращение из упомянутого путешествия влечёт за собой новый взлёт в карьере Семёна Ивановича Пазухина – он становится головой сначала карсунских, а затем тагайских стрельцов. В 1677 году Пазухин женится на Василисе Григорьевне Араповой, дочери помещика Алатырского уезда, и переселяется из Костромы в родные пенаты своей супруги. Он получает прожиточный жеребий (земельный участок) Василисы Григорьевны и её матери в селе Засарье Алатырского уезда, а также в деревнях Никитиной и Араповке того же уезда (всего 125 четвертей). К концу земного пути Семёну Ивановичу удалось заметно расширить владения в Среднем Поволжье: помимо названных земель, он имел земли в Саре и Стемасах Алатырского уезда. Хозяйственные интересы помещика совпали со стремлением русского правительства к наиболее быстрому освоению обширных земель в Средневолжском регионе. Историк Е.Н. Ошанина, подробно изучавшая в советское время материалы архива Пазухиных, указывает на то, что Семён Иванович весьма деятельно искал крестьянские руки для своего хозяйства. До нас дошли порядные записи (договоры между крестьянином и феодалом; в соответствии с этими документами определялись повинности крестьянина за полученные от феодала ссуды) и служилые кабалы (документы, оформлявшие зависимость кабальных холопов), данные родоначальнику симбирской ветви этого семейства. Кроме того, помещик использовал и такой способ увеличения количества рабочих рук, как своз крестьян (розыск и возвращение беглых).

Любопытно, что с рачительностью, «коммерческой жилкой», у Пазухина органично сочетались удивительная сентиментальность и неподдельный интерес к поэзии. Доказательством служит обнаруженная исследователями в богатом архиве Пазухиных запись двух лирических песен. Как установил

Современный вид села Засарье.
Сурский район Ульяновской области

филолог И.М. Кудрявцев, песни записаны рукой Семёна Ивановича не ранее 1680 г. Одна из них – песня Ивана Лукьяновича (не очень хорошая сохранность текста не позволила исследователю прочитать фамилию), вторая – песня Андрея Михайловича Пестова. В тексте последней есть, в частности, такие строки, написанные от имени женщины:

*А всех людей в поле я вижу,
одного света милова не вижу.
А все люди [с] службы едут,
моево света милова нету.
По здорову ли мой миленькой едет,
али то воеводы не отпустят.*

И.М. Кудрявцев полагает, что тема разлуки, проходящая красной нитью сквозь тексты этих произведений, связана с постоянными разъездами С.И. Пазухина и явно волновала его в то время. Эти песни, по авторитетному мнению филолога, сложились в среде служилого дворянства.

Екатерина Петровна

О матери Николая Михайловича, Екатерине Петровне, известно очень мало. Мы не знаем даже года её рождения. В справочной литературе можно встретить достаточно широкий хронологический диапазон, в котором якобы находится искомая дата – между 1730 и 1735 годами. Нам известно, что Михаил Егорович Карамзин родился в 1724 году. Тогда разница в возрасте между супругами составляла не менее шести и не более 11 лет. У супружеской четы в течение нескольких лет рождается четверо детей (будущий

историк был вторым ребёнком), а затем Екатерина Петровна умирает. При этом известно, что Екатерина Петровна скончалась в 1769 году. (И.И. Рожанковская, посвятившая много лет изучению жизни выдающегося историка, в своей книге «Судьба одного семейства. Карамзины. Вяземские» отмечает, что причиной смерти матери историка стала чахотка.) Таким образом, в момент смерти ей должно было быть от 34 до 39 лет.

Но если мы обратимся к тексту автобиографической повести Карамзина «Рыцарь нашего времени», то обнаружим, что мать главного героя – Леона – в момент выхода замуж была «двадцатилетней красавицей». Отец главного персонажа в то время был «отставным капитаном, человеком лет в пятьдесят». Таким образом, разница в возрасте между ними была весьма заметной – примерно 30 лет. Это достаточно серьёзное противоречие, ставящее под сомнение все дальнейшие рассуждения. Тем не менее кончина матери Леона описана весьма проникновенно («Дунул северный ветер на нежную грудь нежной родительницы, и гений жизни её погасил свой факел!..») и произошла, когда мальчику из повести было всего семь лет. При этом мы не встречаем в повести сведений о том, что Леон родился через длительное время после брака родителей. Итак, если основываться на этом литературном источнике, то можно всерьёз усомниться в том, что Екатерина Петровна прожила около 40 лет. Вероятнее всего, её земной путь завершился несколько раньше. Поэтому фактический год рождения Екатерины Петровны находится, очевидно,

Засарье – родина Е.П. Пазухиной, матери Н.М. Карамзина

ближе к концу обозначенного хронологического интервала предполагаемого рождения (1730–1735 годы).

Как известно, Николай Михайлович Карамзин родился 1 (12) декабря 1766 года. Умершая весной 1769 года Екатерина Петровна, таким образом, могла принимать участие в воспитании своего сына в течение непродолжительного времени – менее трёх лет. И всё же есть основания полагать, что влияние её на ребёнка было исключительно благотворным. В «Рыцаре нашего времени» мать названа «единственным лексиконом» героя. Именно она учила его говорить, помогала открыть красоту окружающего мира.

Автор пишет об особой роли «первого воспитания»; именно оно почти всегда определяет «главные свойства человека». Рассуждения Николая Михайловича Карамзина опираются, в частности, на идею прославленного английского философа Джона Локка. (В XX веке похожая мысль обретёт новую жизнь под талантливым пером Зигмунда Фрейда.) При этом автор автобиографической повести отмечает, что душа главного героя «образовалась любовью и для любви». Несомненна сильная сердечная привязанность матери к сыну: «... сколько раз в день, в минуту нежная родительница целовала его, плакала и благодарила небо...». Хочется верить, что

это описание сделано не со слов родственников. Учитывая удивительную память Николая Михайловича, можно допустить, что она запечатлела столь важные и дорогие для него моменты общения с матерью в младенчестве.

Ещё одним ценным штрихом, позволяющим хотя бы в некоторой степени воссоздать образ Екатерины Петровны, является замечание Николая Михайловича о меланхоличности её натуры: она «могла просиживать в глубокой задумчивости» целые дни. Крупнейший знаток русской истории и словесности Ю.М. Лотман отмечал в книге «Беседы о русской культуре», что во второй половине XVIII и первой половине XIX века женский характер в значительной мере формировался литературой. Поэтому не исключено, что склонность к меланхолии, присутствующая Екатерине Петровне, имела литературную основу. Её знаменитый сын, как явствует из текста автобиографической повести, унаследовал эту материнскую черту.

Итак, влияние Пазухиных на становление Николая Михайловича Карамзина было многообразным. Во-первых, учитывая эстетические запросы прадеда историка, можно предположить, что русскому Стерну была свойственна предрасположенность к литературе в целом и сентиментальной поэзии в частности. Во-вторых, зоркий взгляд

путешественника и умение фиксировать результаты своих дорожных наблюдений – это, видимо, тоже от Семёна Ивановича и его кузена. Наконец, существенным было и влияние на знаменитого историка со стороны ближайшего окружения в детстве (в этой статье мы остановились только на роли его матери): видимо, именно Екатерина Петровна при всей её меланхоличности постаралась привить ребёнку способность понимать красоту окружающего мира. Это драгоценное качество понастоящему расцветёт у Николая Михайловича в пору его литературного возмужания.

Судьба не пощадила семейного некрополя Пазухиных в Засарье. Уничтожена была и помещичья усадьба в этом селе. Тем не менее уже на закате советской эпохи в селе был установлен памятный знак, напоминающий о том, что в этом населённом пункте родилась мать Николая Михайловича Карамзина. Появление мемориального знака делает честь жителям Сурского района, сохраняющим память о женщине, подарившей жизнь нашему замечательному соотечественнику.

Михаил Судаков,
ведущий научный сотрудник
НИИ истории и культуры
Ульяновской области
Фото автора